

АРКАДИЙ ЗАСТЫРЕЦ

ПЕНТАГРАММЫ

редакция 2015 г.

Аркадий Застырец

Пентаграммы

«Издательские решения»

2015

Застырец А. В.

Пентаграммы / А. В. Застырец — «Издательские решения», 2015

ISBN 978-5-457-90063-9

Включает знаменитый «Нафталин» и одиннадцать новых стихотворений, специально сочиненных для этой редакции. Большинство текстов заново отредактировано, исправлены ошибки, опечатки и другие огрехи первого издания.

ISBN 978-5-457-90063-9

© Застырец А. В., 2015
© Издательские решения, 2015

Содержание

Из предисловия к первому изданию	6
О новой редакции	7
Пентаграмма I	8
Сон Пифагора	9
Биармия	10
Венеция	11
Тифлис	12
Чудесное спасение II	13
Европейская стужа	14
Жажда	15
Русская душа	16
Занавес над портретом	17
Возвращение Синдбада	18
Весть	19
Театр	20
Весна	21
Шут	22
Дант	23
Семейный портрет	24
Бесплатная раздача	25
Завтрак	26
Не горит	27
Лаборатория	28
Лекция о Ганнибале	29
Визит	30
Зимний танец	31
Последнее письмо	32
Штурм	33
Переправа	34
Функциональная миниатюра	35
Яшмовая сутра	36
Пойман за чтением	37
Круиз	38
Рифмоплёт	39
День 1964	40
Comedie russe	41
Перед дуэлью	42
Любовь	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

**Пентаграммы
редакция 2015 года
Аркадий Застырец**

© Аркадий Застырец, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Из предисловия к первому изданию

Работа над этой книгой продолжалась три года (до 1991-го), но, в известном смысле, так и не завершилась. Ибо, по логике созданной автором формы, «Пентаграмм» должно быть не три, а пять. Пять раз по пять десятков пятистрочных (или двадцатистрочных – идеальный объем в русской лирической поэзии) стихотворений.

Логика формы сдалась и рухнула под натиском свободного, может быть, даже лихорадочного поиска – поиска Родины, смысла, выхода из рутинного круга бесчеловечных решений.

Пентаграмма – попросту правильная пятиконечная звезда – издревле считалась магическим оберегом, спасающим человека от потустороннего зла (символическое и практическое значение перевернутой пентаграммы прямо противоположно). По необъяснимой (или напротив – вполне ясной и закономерной) геральдической иронии для России XX столетия этот знак сделался роковой веригой. Пентаграмма из позлащенного алюминия на погонах, из орденских золота и эмали на парадных мундирах, из «рубина» над башнями Кремля и, наконец, из крашеного железа над могильными холмиками – давила и по сей день продолжает давить на православную нашу землю отступническим отрицанием креста.

То, что «Пентаграмм» оказалось всего три (и в третьей разрушается пятеричная волнообразность в чередовании размера и ритма) – тоже, на мой взгляд, символично. Пентаграмму одолевает Троица.

Не надо думать, будто перед вами книга, исполненная поэтического ригоризма. Здесь пентаграмма проигрывает войну, «приняв» навязанную ей тактику игры – игры воображения и ремесла, формально строгой и трудной, а по существу оказывающейся игрой свободного духа.

В стенах этого странного лабиринта разыгрываются удивительно разнообразные эпизоды. В них смешиваются и сменяют друг друга несовместимые, казалось бы, вещи: юмор и самоирония соседствуют с трагическим переживанием и стоическим монологом, проникновенные мысли – с детской наивностью и поверхностной стилизацией, Восток – с Западом, древность и средневековье – с новым временем и нынешним днем.

Вас. Кириллов-мл., 1993 г.

О новой редакции

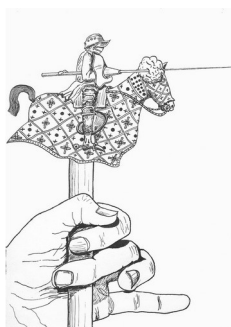
Идея выпустить мою первую книгу стихов в новой редакции пришла мне в голову под влиянием нескольких одобрительных отзывов на «Пентаграммы». Сознавая вопиющее несовершенство этой книги, я, тем не менее, постарался в новой редакции сохранить ее основные свойства, связанные со временем сочинения. Стихотворений, которые я счёл необходимым выбросить из книги вовсе и заменить специально для этого сочиненными сегодня, не так уж много. Несколько стихотворений перекочевали в книгу из приложения к ней (среди них необыкновенно популярный «Нафталин»). Многочисленные, но не слишком масштабные изменения внесены в тексты чаще ради их формального усовершенствования, реже – по идейным соображениям.

Аркадий Застырец, 2015 г.

Пентаграмма I

*Марии Аркадьевне Грачёвой,
верившей в меня на Земле,
любящей меня на Небесах*

*Ubinam aut quibus locis te positam patria reor?
(Где или в каких широтах, родина, тебя представить?)*
Катулл, Книга стихотворений, 63, 55

Сон Пифагора

Итак, начнём. Луна, песок, Эллада.
У моря спит весёлый Пифагор.
Не истина, а жизнь ему отрада.
Горазд он жить с тех пор и до сих пор.
В красотах разноцветных геометрий —
Кошмарный ум, но линия легка,
Как ленточка, развившаяся в ветре,
И магия простого перстенька.
Итак, пора. В девятой ипостаси
Он спит себе с ухмылкой в бороде
И на ступнях сухое пламя гасит
В зелёной набегающей воде.
Расталкивая кручи кучевые,
Во сне он мчится с Коса на Кизик
И учит звёзд названия живые,
Небесных сфер прилежный ученик.
Тем временем, восстав, рассвета гидра
Глотает ночь, начав, конечно, с ног,
А в изголовье ржавая клепсидра
По капле точит вечности кусок...

Биармия

На стогнах града есть просторы
В сто вёрст и звёзд, и во сто крат,
Где снег размазывает горы
И дождь пьянит как виноград!
Фасады в воздухе распеты
Семь раз на семьдесят ладов,
И мнится свет чужой планеты —
В пучках неоновых цветов.
Вдали, таинственно размыта
Тумана белой бородой,
За полем Божеского жита
Спит колокольня над водой.
Спугнув дремавшую ворону,
Всё ярче, белая, видна,
В широких розвальнях по склону
Январских туч — скользит луна.
Мечта воспламеняет лица,
И улица внушает мне,
Что здесь навеки поселиться —
Равно что умереть во сне...

Венеция

В компании горьких пропойц
Лапландию я пересёк,
И, кажется, возле Надвоиц
Ко мне подошёл паренёк.
Сверкая серебряной пряжкой
И сдвинув берет набекрень,
Тряхнул он обтянутой ляжкой,
Колено поставил на пень
И молвил: «Синьор, не скупитесь,
Платите две тысячи лир
И смело в гондолу садитесь!»
«Ну что ж, молодой юкагир, —
Ответил гребцу я с усмешкой, —
Считай, что дела на мази:
Вот деньги, смотри же не мешкай —
До Пяльмы меня довези!»
Луна в Беломорском канале
Качала волну за кормой,
И Байрона вслух мы читали,
Карельской овейны тьмой.

Тифлис

Через ночь – самолёт, нитка в чёрную бусину вдет,
И от глиняных вод на обрывистый берег Куры
Поднимается сноп оперённого горного света,
А навстречу ползут прокопчённые пылью ковры.
Лезут пластырем в окна латинские глупые буквы,
Точно бредит Тифлис перемётной цыганской сумой,
И Святая гора в мох и плесень развесистой клюквы
Погрузилась во сне необъятно широкой стопой.
И грузинская речь удивительней русскому вдвое
В те минуты, когда осенит, что считают рубли...
Под копытами древних коней не расплющатся с воем
И в куски под откос не покатаются все «жигули»!
Разве скрипнет зубами прохожий, хватаясь за ножны,
Разобрав неожиданно, *что* я глазами сказал, —
И опустит глаза, и плечами пожмёт осторожно,
Ненароком поняв, что предательски сломан кинжал...
Я сижу на траве, на проспекте Шота Руставели,
Надо мной облака бороздят океан синевы,
Тихо дети поют в осенённом крестами приделе,
И восходят по склону слепые крылатые львы.

Чудесное спасение II

Стук и звон – телега с клетью,
Переспрос – кого везут?
По кому изладил петлю
Неподсудный суд?
Видно волосы и спину,
Вкруг – холёные штыки.
И пугает мама сына:
«Бука, бука! Вон клыки!»
Угроздило связаться!
Восвояси уж нельзя.
Поздно, братцы. Тошно, братцы!
Вот и сказка вся...
«Не успели! Обманули!» —
Ударяет в голову.
Вдруг да на ухо шепнули:
«Прижимайся сам к себе!
Берегись и стань покорным,
Нам сподручней, нам видней».
В подворотне трое в чёрном
Стерегли коней...

Европейская стужа

Европейская стужа стара,
Как растрёпанный том в переплёте,
И седая сова на болоте
Коротает при ней вечера.
Разнесётся охотничий клик,
Пробегут с деревянной трещоткой
И горит в очаге за решёткой
Рукописный весенний дневник.
Мечет искры в проталину ветер,
Режут уголь, вздыхая, меха.
Шапка снега блестит на повети,
Под ножом ослепив петуха.
Копит солод морозный рябина —
Грозди с ночи темнее горят.
От солений – на зёрнышках тмина
Настоялся в сенях аромат.
«Дети, что же вы? Кланяйтесь деду!»
Входит облако инея в клеть
И басит: «Краем леса поеду.
Может, ёлочку вам приглядеть?»

Жажда

У буден моих, у магрибских верблюдов,
Нагружены мягкие кладью горбы,
И бронзово солнца библейское блюдо
В песке раскалённой недельной тропы...
Оно меня будит и, стало быть, будет
Щитом интересов большого купца,
Чьи верные слуги и добрые люди
Готовы меня подымать до конца.
Ты видишь того, что, рыдая, подпрыгу
Зубами рванул на себя второпях?
Он подал мне руку как старому другу,
Он думает, я разделю его страх.
Здесь каждый навечно записанный в стражу,
Войдя в самому себе праведный раж,
До смерти подставил плечо под поклажу
И всем говорит, что свобода – мираж.
Здесь каждый готов и равняется каждый
С рассветом в затылок на всех остальных,
И пламя *меня* пожирающей жажды
Противней проказы любому из них!

Русская душа

Застенчивый корнет
Поодаль Перемышля
Читает, став на свет,
Японские трёхстишья.
Поднёс листы к глазам
И взвешивает звуки:
«Конец осенним дням.
Уже разводит руки...»
Он сдерживает дрожь
И, строчки повторяя,
Разительно похож
Лицом на самурая.
А на краю леска
Четыре эскадрона
Ахтырского полка
Крушат Наполеона.
Погода хороша —
Хрустит мороз в мундире,
И русская душа
Куда французской шире!

Занавес над портретом

Погляди сюда, лицензиат,
Не води растерянно глазами.
Ты – модель, и кажется, не рад...
Почитай-ка что-нибудь на память.
Расскажи о чёрной ворожбе,
Если не боишься. Если хочешь —
О любви безумной, о гульбе,
Молодецких кознях среди ночи,
Как рога наставил старику,
Как отшила набожная баба,
Расскажи про гибель и тоску,
Про гашиш у старого араба,
Как ты солнце с Крюгером встречал,
Украшая ленточками флюгер,
Как тебя нашёл глазами Крюгер
И в костре на площади кричал...
Ярче свет на левой половине,
Волосок лежит на волоске,
Верный знак служенья медицине —
Матовые ландыши в руке.

Возвращение Синдбада

В ажурный двор несут букеты белых лент,
Самшитовый замок – на розоватом створе.
Как море далеко! И сладко вспомнить горе,
Качая на руках поющий инструмент!
В копчёное стекло жара подслеповато
Бессмысленно глядит на медленный фонтан
И в нежных облаках земного аромата
Любимая к тебе прильнула, капитан.
Твои мечты сбылись, и всё у них на страже
Ты видел этот сон на мертвых островах,
Где лишь сухой песок, холмы горячей саж
И выступает соль под солнцем на камнях.
Ты видел этот сон в полуночном пожаре,
Объявшем твой корабль, и лёжа на шипах
Злой лихорадки, и – на греческом базаре
С дощечкой на груди и цепью на ногах.
И, отложив канун, ты трогаешь руками
Узор дарки, лицо, рябую мастабу —
И борода блестит, омочена слезами
Во сне и наяву, во сне и наяву...

Весть

Снег падает, волна о берег плещет,
Темней тавро в тугих морщинах лба,
Надрезанные чёрточками вещи
Цепляет кисть искусного раба.
Отброшен меч, от вражьей крови чёрен,
А враг, он – вот, в парчовым кушаке,
Красив, убит и страшно опозорен,
И голова – в запёкшемся песке.
Искусный раб, у сломанного стяга
На пышном трупе выложив листы,
Письмо рисует. Помыслы чисты,
И в полумраке светится бумага.
О хитрых планах войска из столицы
Он вяжет весть на топком берегу
К поджатой лапке выученной птицы
И засыпает в медленном снегу.
Разводит зубы смерть железным звоном...
Всё очень просто только на словах,
И пахнут иероглифы лимоном:
«Чжан Бао жив. Мы встретимся в горах».

Театр

Терпите: кажется, вот-вот
Настанет час перипетии.
Возможно, сцену вдруг зальёт,
Из раны хлынув, кровь витии.
А этот злой мятежный хор
Тиран с ухмылкой объегорит,
С судьбой в суде ещё поспорит
Зарвавшийся сановный вор.
Крепитесь, ждать не до утра —
Так лаконична наша пьеса...
Смеяться зрителю пора!
Вы плачете? Какого беса?
Вот жаль, вы не были вечор:
Мир не видал таких трагедий! —
Рыдая, зал обманом бредил...
Да поумнел, видать, с тех пор.
Патроны в ружьях холостые,
Речами усыплён народ...
Но стойте, кажется, вот-вот
Настанет час перипетии!

Весна

Неверского графа угрозы
Мне, право, теперь нипочём!
Французские, сука, берёзы
Висят над бурливым ручьем.
Крапиву качая и нежа,
Стеною идёт на восток
От Буржа до самого Льежа
Апрельского ветра поток.
Какие бурлят разговоры
На пьяных отважных устах!
Парижские, сука, жонглёры
Подружек ласкают в кустах.
Рассёдланы рыжие кони,
Распущены враз пояса,
В бредовом сливаются звоне
Рыдания, смех, голоса...
В восторге от собственной позы,
Клариса поводит плечом.
Неверского графа угрозы
Мне, право, теперь нипочём!

Шут

Пляшет шут на канате – на шее сидит обезьяна,
Пляшет шут и поёт, растянув намалёванный рот,
И хохочут в толпе, и кричат, балагурия вполпьяна,
А со лба у шута по щекам и за шиворот пот
Льёт и льёт, будто шут – рудокоп, размахнувшийся в штреке,
Иль степенный кузнец, из огня распластавший булат.
Он получит свой хлеб и сомкнёт потемневшие веки,
Но приснится шуту не Небесное Царствие – Ад!
Здесь припомнят ему ремесло оголтелые черти,
Станут в темя лупить, как на ярмарке бьют в барабан,
Вставят в задницу и – через челюсти вытащат вертел,
И на части разъяв, соберут из костей балаган.
Он во сне заорёт и откроет глаза до рассвета,
Слёзы вытрет ладонью и залпом – бутылку вина,
Перекрестится раз, пробормочет четыре куплета —
И ударится лбом в переплёт слюдяного окна!
И на площади в полдень он снова штаны потеряет,
Тощим низом блестя, всеу Бога помянет и Мать
И пойдет сквозь толпу на руках, про себя повторяя:
– Ничего, ничего. Кто-то должен за них пострадать...

Дант

За грядой гремящих льдин
Продуваемого взгорья
Снится радужный сатин
Итальянского приморья,
Где скрывает восемь лун
Апельсиновая зелень,
Черепеховый валун
Изумительно бесцелен,
И не в куколе без слов,
А богатый жадной речью,
Сдвинул шапочку овечью
Автор адовых кругов...
Если полночь – он астролог,
Если день – минералог,
Точно год разлуки, долог,
В точном слоге царь и бог!
Обладатель дорогой
Тетивы звенящих связок,
Мира целого изгой,
Как ведьмак из страшных сказок.

Семейный портрет

На сожжённом луною портрете
До сих пор не погасли глаза,
Как не гаснет в кольце бирюза...
Боже правый, несчастные дети!
Это было последней весной
Накануне кровавой эпохи,
И дела были плохи, ох, плохи!
Звёзды снова грозили войной.
В Петербурге уже забродили,
Закружили кошмарные сны,
Но на дачу детей вывозили,
Как всегда – на грибы да блины.
Вдруг отец по пути на Финляндский
В эту комнату всех поманил —
И осклабился Войно-Оранский
И про птичку сказать не забыл.
И застыли в магическом свете
Подбородком, лицом и плечом —
Боже правый! – несчастные дети
С гимнастическим белым мячом.

Бесплатная раздача

У волка голодный жонглёр на примете...
Зима. Что до лично меня —
Я слышу, как дышат спокойные дети
Игрушечным воздухом дня.
В окрестностях нету ни света, ни дыма,
И, грея лягушку в руках,
Волшебник по городу невозмутимо
В высоких идёт сапогах.
Сапожнику снится роскошная щётка,
Солдату – за подвиг медаль,
Волшебника разоблачает походка
И взор, улетающий вдаль.
На кровли земной черепичную чашу
Наносят белил облака,
А гномы мешают пшеничную кашу
И черпают из котелка,
Стараясь наполнить помятые миски
Всех страждущих грязных бродяг,
Чей гомон становится, тёплый и низкий,
Ответом на каждый черпак.

Завтрак

Разлито молоко,
И тянут время гири.
Выводит «Сулико»
Старик на гудаствири.
Весёлым помазком
Отец разводит мыло,
Под розовым цветком
Присевший на перила.
Взлетает белый креп,
Приоткрывая горы,
А мама режет хлеб
И жарит помидоры.
Взрывает разговор
По радио зарядка,
И шевелится двор,
Потягиваясь сладко.
И, распахнув окно,
Я, злой и долговязый,
Зову тебя в кино,
Мой ангел черноглазый.

Не горит

Хорошо, покуда не горит:
Не спеши, не складывай в тревоге,
Не решай, какой тебя кульбит
Выручит в навязанной дороге.
Не корми любимого кота
На прощанье, впредь и до отвала,
Не целуй нательного креста,
Опасаясь: вдруг осталось мало?
Не стругай для посоха ножом
Старую занозистую палку,
Что в руке топорщится ежом,
Лучше в печку сунь её, нахалку.
Башмаков с тоской не проверяй —
Не дырявы, а? Не промокают?
Не ищи, поскольку – не теряй
Тех вещей, что к месту привыкают.
Хороши на карте Кипр и Крит!
Лампа, свитер, тени снегопада.
Дети спят. Жена тиха и рада.
Хорошо, покуда не горит.

Лаборатория

На нитях серебра прозрачные шары
Свисают с потолка под брюхом крокодила,
Зеркальная стена понуро отразила
Дверной проём, лучи и танец их игры.
Гримасничает тролль с резиновым лицом,
Закрытый сургучом в замызганной реторте,
На маленьком станке соседствуют в супорте
Простой железный болт с брильянтовым резцом...
А книга на столе? Посмотрим, что за книга,
Смахнув кленовый лист небрежным рукавом...
На титуле – венок, разбитая верига
И римское число под ликторским пучком...
Заглавие... хлопок и туча серой пыли!
С испугу нетопырь подъял переполох,
И я со страху – в пот и в пояс адской силе,
Врага упомянув некстати, видит Бог!
Но вскоре осмелев, заглядываю в нишу
И белую сову вполголоса бужу:
– Есть кто-нибудь живой? – и кажется, что слышу,
Как чучело ворчит: – Ума не приложу!

Лекция о Ганнибале

На медном алтаре дымится туша...
Уже разъели с моря Карфаген
Любовь и соль – да он почти разрушен:
Кой толк с такими бухтами от стен?
Вручая жизнь воинственным прикрасам,
Чей – Пиренеи – временный причал,
Девятилетний храбрый Ганнибал
Простёр ладонь над раскалённым мясом.
Все планы, оговорки и причины,
Как шелест волн, с луною отойдут...
Тропою Марса шествуют мужчины —
Ни жёны их, ни матери не ждут.
Но Риму Ганнибал отворит жилы,
В родные бухты вломится спиной
И вновь бежит от суженой могилы
В малоазийский омут земляной.
В кольцо врагов он твёрдо скажет яду:
– Мой Карфаген, я сдаться не могу...
И грянут перевернутому взгляду
Слоны и негры с кровью на снегу.

Визит

Bonjour, bonjour, месье Клодель.
Входите, сон к полудню сладок.
Простите в мыслях беспорядок
И пыль, и смятую постель.
А как же вы... Ах да, ключи!
Я сам их вам послал наперед.
Да, это мой сонет последний...
Вы правы, точные сычи,
Кричат слова последней строчки.
Я вижу сам, о чем и речь!
А мнил хрустальные звоночки,
Когда вечер собрался лечь.
По-русски? Пробовал «Улитку»
И в «Лебеде» «Осенний день»,
Тачал, тачал – да только нитку
Порвал, сшивая плоть и тень!
Но вы позволите умыться
И сюртуком сменить шлафрок?
За чаем проведем часок,
Другой... Куда вам торопиться?

Зимний танец

В холодной промоине пляшут
Над серой золой языки,
Январское облако пашут
Медведицы звёздной клыки,
И тонкую флейту настроив
Гремучей коробочке в лад,
Жонглёры Версаль себе строят
И роют под струнами клад.
И голосом в пламя напева
Ступает, махнув рукавом,
Небрежно одетая дева
В обнимку с улыбчивым львом.
Тоску разгонять мастерица,
Взлетев на невидимый стол,
Танцует – и вихрем кружится
Засаленный алый подол!
В глазах у весёлых сверкает
Горячими искрами мох —
И кажется, им потакает,
Как детям, Отец их и Бог.

Последнее письмо

Вот и всё. Наконец, обмануть остаётся природу.
Что ж, бывает и так. На судьбу обижаться смешно:
Не накликал беду, а глядел будто в чистую воду.
Ну, да что толковать! Иль не всё перед этим равно?
Я спокоен, хотя жизнь меня баловала дарами:
Вроде есть, что терять, и скорблю о жене и друзьях.
Но надеюсь, что им я оставлю на добрую память
Мирный опыт ума и любовь, а не низменный страх.
Способ выбран уже. Я сперва задержался на яде...
А потом показалось, что путь этот слишком уж скор.
Может, это каприз, но едва ли удастся с ним сладить:
Я хочу растянуть мой последний живой разговор...
Потому решено: не спеша отворю себе жилы
И ленивую кровь подгоню разогретым вином,
Постепенно теряя мои невеликие силы
Между зыбкою явью и вечным безоблачным сном.
Напоследок хочу всё о том же: как много усилий,
Сколько жарких страстей у людей отбирает тщета!
Но без этого жизнь — согласись, дорогой мой Луцилий! —
Может быть, совершенна, но и совершенно пуста.

Штурм

Кверху задранные лица
Льются, пенится поток,
В блеске солнечном ярится —
Бивень, хобот и клинок.
Никому уже не страшен
Ослепительный оскал,
И летят с осадных башен
Стрелы, пакля и запал.
В череп, спину, брат на брата!
Режь, руби, давай вперёд!
Полководец шлёт солдата
В створ обрушенных ворот.
Жёны мечутся и плачут,
Чуя силу позади.
Рвётся нитка на груди —
И шары по плитам скачут.
Дождались победы часа:
На три дня кругом одно —
Кровь, огонь, живое мясо
Да тяжёлое вино.

Переправа

Он был страшен, как шкаф в темноте,
Зашибала, водила, извозчик,
Морда – морды не выдумать плоче,
И весло на холодном хвосте.
Под язык он ко мне влез украдкой,
Чтоб положенный вынуть обол,
Поискал-поискал, не нашёл,
Не побрезговал пресной облаткой.
Лодка носом надрезала вал —
Оказавшись под лавкой четвёртым,
Я настолько прикинулся мёртвым,
Что одними глазами дышал.
Наконец, под снопами косыми,
Тех лучей, что сиять не должны
Из-за возчика мощной спины
Вырос берег в непахнущем дыме.
Точно сталью в живот – стало дико.
Погоди, я колки подкручу...
Эвридика моя, Эвридика,
Я ли плавать тебя научу?

Функциональная миниатюра

Отшельник, чиновник и мальчик-слуга,
сосна на утёсе и низкое небо,
и негде взлететь птице гнева, и где бы
тут реки венозные скрыть кулака?
Уж как тяжела смертоносная сталь!
Я трогал не раз колоссальные бритвы —
кто их миновал, из безумия битвы
до смерти глядел в эту *реанэмаль*
и пальцами гладил разумного пса,
рисую письмо в императорском стане...
Когда мы умрём и дрожать перестанем,
наш скрежет зубовный взорвут голоса!
Когда мы зайдём, умерев, за утёс
и вечность прижмётся щекой к изголовью,
и кисть невесомая впитанной кровью
окрасит далёкой воды купорос...
Когда оседлаем своих журавлей,
порхающих в танце на кромке вселенной —
агония канувших станет степенной
неспешной походкой бесстрашных людей.

Яшмовая сутра

Усиьем смутных век
Глазам открыто утро,
Где светит первый снег
И яшмовая сутра,
Где молодой Урал
В туман вонзает скалы,
Никто не умирал,
Ничто не перестало.
Мой прадед, вняв стеклом
Взволнованному свету,
Листает за столом
Хрустящую газету.
На сковородке соль
Потрескивает рядом,
И генерал де Голль
Командует парадом,
Звон золотой струны
Страну Советов будит —
И не было войны,
И никогда не будет.

Пойман за чтением

Я не стану попусту гадать,
Лишь о том скажу, что знаю твёрдо,
Нарисую в толстую тетрадь,
Будто схему хитрого аккорда,
Шаг за шагом выверенный путь —
Маму, домик, дерево и птицу...
В книжке сладко мне перевернуть
За страницей мятую страницу,
Фонарём китайским осветив
Глубину событий невозвратных,
Паутинкой мыслей аккуратных
Заплетя спасительный мотив.
А потом по светлому пятну
На горбу ночного одеяла,
Обнаружат жизнь и старину,
Скажут: — *Стой в дремоте у причала!*
Отберут фонарь и в темноте
Напоследок, шёпотом, сердито:
— *Школа ждёт, кофейник на плите,
Молоко вскипело и разлито!*

Круиз

Над Австрией дожди. Дунай переползают
Коньячная мигрень и облаков гряда.
Я чувствую спиной, как с лошади слезают
Два Штрауса – отец и сын. «Сюда! Сюда!» —
Со стапелей вопят румынские поморы,
Да так, что, русским, нам ни слова не понять;
И в ящиках несут большие помидоры,
Бананы и абсент. Здесь главное – не спать!
Не просто крепок сон от воздуха свободы:
Пока рассудок спит, чудовища ползут
И, кожистым крылом нащупывая броды,
Заходит Люцифер в сверкающий мазут.
Mit lachen springen sing бродячие лютнисты,
И ворохом купюр наполнен их футляр.
Качает катера восторженная пристань,
И дышит ресторан, красивый, как пожар.
Не видит враг врага, и друг целует друга,
Под тентом на столе спит розовый Франц Хальс,
А Штраус-сын торчит на клавишах упруго,
И под его ребром клокочет венский вальс...

Рифмоплёт

Я увлечён бываю, как пчела —
Ковровым многоцветием июля,
Ища слова. Быстрее, чем в доме пуля,
Душа метнётся, глядь — уже нашла.
Но если ставни прежде распахну
В огромный день, в грозу и хищный ливень,
На юг и север, звёзды и луну,
На мамонта сорящий крошкой бивень,
На страшной битвы пламенный пейзаж,
Где бритвы молний даже не скорее
Атаки с фланга, залпа батареи,
На штурм идущих или абордаж...
На океана серое плечо,
Вертящее простором и ветрилом
То до ночи по-адски горячо,
То льдом границу ставя нашим силам...
Тогда — увы — иной раз не могу
Пригодные сыскать цвета и звуки
Вдали тепла, опешивший в разлуке,
Испуганный и бледный, ни гу-гу...

День 1964

Я помню плюшевую ширму
Хрущёвки нашей поперёк,
Когда в мой пятый день рождения
Давали кукольный спектакль
Отец и мать, и дядя Йося,
Хромой и с чёрной бородой.
Я по двору ходил и детям
Билеты даром раздавал.
И вот их в комнату набилось
Числом не меньше сорока,
И бабушка взяла будильник
И подала им три звонка.
И я со всеми и с открытым
От счастья и восторга ртом
Над ширмы нежным плюшем видел
Двоих весёлых медвежат...
.....
Потом – конец, но деда Боря,
Когда уж начало темнеть,
Пришёл и мне вручил в подарок
Искрящий кремнем самолёт.

Comedie russe

Со мной наигрались вы всласть, и —
Опальное сердце, ликуй! —
Холодная оттепель страсти
Влепила мне вдруг поцелуй.
Стремительный шорох воланов —
И голос, ломаясь, дрожит:
– Надеюсь, месье *Yemelianoff*,
Мой слабости вам не профит...
– Ужель мне, радея о чести,
До старости тискать ваш бант
В своем захолустном поместье?
А старый маркиз-эмигрант...
Как будто не знаете сами!
Брильянтами вымостит путь
И синими станет губами
Слюнявить вам шею и грудь!
– О, нет! *Je vous aime*, умоляю!
– Ах, нет? Ну так дьявол же с ним!
Покажемте нос негодяю
И нынче же ночью бежим!

Перед дуэлью

Спать осталось мне час, что, конечно, не так уж и мало.
Да и глупо пенять нам на краткость глубокого сна.
Снова чья-то рука мне играючи карты смешала,
И какая-то дрянь в тишине предрассветной слышна.
Пистолет мой не спит и глядит немигающим оком
Вдоль руки за окно в эфемерную гущу стекла,
Где стрижи говорят и мелькает ободранным боком
Первый синий троллейбус в проёме жилого узла.
Снова всё да ладом – и не спит бедолага Мартынов:
Он шлифует во тьме добела смертоносную честь.
Спят черкесы верхом, а черкешенки носят в корзинах
Ворох чистых рубах или Жилину в яму поесть.
Для кого-то из нас этот день никогда не настанет.
Погляди, как скользит по обрыву копытами лань.
Погоди, не реви. Нас никто в эту пропасть не тянет...
И в конце-то концов надо спать. Я прошу, перестань.
Перед сном я хотел бы, смыкая на выдохе веки,
Видеть только одно – на вершине не тающий снег.
Что мне солнце тогда и по склонам звенящие реки?
Что мне пуля в стволе или чуждый любви человек?

Любовь

Окассен пожаром страсти
С головы до пят объят —
Перепутал в картах масти,
Кинул козырь невпопад.
Но игре такой не рада,
Чуть не плачет Николетт,
И во тьме сырого взгляда
У неё на всё ответ:
«Нет и нет». А враг не дремлет,
А лазутчик за окном
Сладострастно речи внемлет,
Что ведут они вдвоём.
Окассен ужасно хочет...
Что-то нежное сказать,
Но краснеет и бормочет:
«Зря надулася ты, мать...»
Николетт ему пеняет:
«Скучно, скучно мне, мой свет!»
А лазутчик заряжает

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.